

Юлия ШЕСТАКОВА

ВЫСОКОЕ И СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

«Мы привыкли к стремительному бегу жизни и забываем о сопоставлениях... и уже пропускаем незамеченной газетную заметку о том, к примеру, что на Севере налажено производство и восстановление электрических ламп. А там ведь царство тундры и арктических льдов, Полярный круг, Полюс холода. Сколько же человеческих усилий понадобилось приложить, чтобы там сияла своя электрическая лампочка!»

Это — строки из газетного очерка Петра Комарова, напечатанного много лет назад. Привожу их как пример неравнодушия поэта к обыкновенным, простым, будничным делам своих земляков и как напоминание о том, что время ушло далеко вперед с тех пор, как мы впервые прочитали это.

За четыре прошедших десятилетия нам посчастливилось быть свидетелями многих замечательных событий у нас в стране, выдающихся трудов, направленных на ее процветание, научных открытий и героических подвигов, самым значительным

из которых был, несомненно, подвиг Юрия Гагарина, проложившего дорогу в космос. Обидно, что Петр Комаров не дожил до наших дней. Многого ему не довелось увидеть. Без него руками советских людей были созданы искусственные моря, гидростанции, построены новые города, в том числе и на Дальнем Востоке, — Байкало-Амурская магистраль с ее станциями, трассы через тайгу. Это все — без него...

Но если бы он был среди нас, можно представить, как бы отозвалось на все это чуткое, неравнодушное к жизни сердце поэта! Какими своеобразными, только ему присущими образами порадовал бы читателей Петр Комаров!

О гражданственности у нас иногда говорят как о чем-то сверхданном. Критики нередко спорят между собой, определяя меру ее в стихах того или иного поэта. Но ведь она не может быть довеском к таланту! Гражданственность выявляется как отражение души, это — образ мышления и это — позиция художника, литератора. Искусственно ее не втиснуть в строй поэтической речи. У Петра Комарова она органична. Все его творчество освещено горячим светом времени, в котором он жил и работал, постоянно осознавая себя сыном своей великой Родины и ее солдатом.

Сторонка родная, где прожиты годы,
И дом, как маяк, у реки.
Войду в поговорку иль выйду из моды,
Припомнят меня земляки...

Это стихотворение Комаров писал в последние месяцы жизни. Будучи тяжело больным, прикованным к постели, он не мог не задумываться над тем, какую память оставит о себе, и в краткой поэтической исповеди подытожил свой путь:

Был сыном твоим до последнего вздоха
И верным солдатом твоим.

Да, это так. Исполнилось то, о чем он думал в тяжкие минуты. Имя его не только не забыто, напротив, с годами оно приобретает все более заметную известность. Но бывает ведь так, что признание таланта приходит после того, как самого поэта уже нет среди живущих.

О Петре Комарове не скажешь, что он при жизни был малоизвестен или не признан. Его стихи печатались в центральных журналах и газетах, звучали по Всесоюзному радио. Имя Петра Комарова — особенно в годы войны и в послевоенные — стало появляться в печатных изданиях на Урале, в Сибири, его знали читатели Москвы и Ленинграда, в литературных кругах оно произносилось с неизменно радостным оживлением: «Это у вас, в Хабаровске, живет поэт Петр Комаров?» — или: «Расскажите, пожалуйста, о Петре Комарове!» Сам он не мог, конечно, не замечать возрастающего интереса к его творчеству. Но не впадал в восторг от читательских похвал, получая письма из разных городов России. Сдерживал свою радость, обходился в таких случаях одной-двумя фразами: «Так это же «Звезда» напечатала! У нее вон какой тираж!» или же отзывался своим глуховатым голосом: «Ну так ведь «Октябрь»! Понятно, все читают...»

И все-таки настоящая, широкая известность пришла к нему позднее. Мы это знаем теперь. А тогда просто было естественным предвидеть, что стихи его останутся жить надолго, что лучшие из них войдут в золотой фонд советской поэзии. Среди поэтов, которые всем своим творчеством связаны с Дальним Востоком, первое место, бесспорно, принадлежит ему. Петр Комаров счастливо соединил в себе партийную страстность и оригинальное поэтическое восприятие мира. Его стихи отличаются яркой образностью, глубиной мысли, будь то поэма или миниатюра в четыре строки; язык их точен и доведен до родниковой прозрачности.

Те, кому довелось работать вместе с Петром Степановичем, знают, как требовательно он относился ко всему, что выходило из-под его пера. Это был человек большого трудолюбия, целеустремленный, с сильным характером, что, разумеется, тоже не могло не сказаться на развитии его дарования. В литературу Петр Комаров пришел своим путем, оставив позади немало трудностей, но это был типичный путь для его сверстников, литераторов нашего поколения. Он родился 12 июля 1911 года в деревне Боево Крестецкого уезда бывшей Новгородской губернии. Отец, рабочий-инвалид, много сил и здоровья отдавший Кулотинской брезентной фабрике, решил переселиться на Дальний Восток, и в 1918 году прибыл со всем семейством сначала в город Свободный, а оттуда — в зазейские места. Петру было тогда семь лет. Деревня Поповка на берегу Зеи в Амурской области, где прошло детство будущего поэта, стала для него второй родиной.

Нелегко было новоселам обживаться на пустом месте, хотя Поповка понравилась отцу: любивший охоту, он искал такое место, где бы земля была поудобнее и чтобы река близко. Куда уж ближе — самый берег Зеи, а в ней рыбы вдоволь, даже калуга водилась, таймень! И лес — вот он, рядом. К самым огородам подступали сосны. С большим трудом доставались каждое бревно и каждая плаха. Пришлось самим, вручную, выкорчевывать пни, ставить избу; да и не просто было обзавестись лошадью, чтобы вести пахоту, сеять. А тут вскоре началась гражданская война... До того, как советская власть окончательно утвердилась на Дальнем Востоке, много было пережито.

Впечатления детства отзовутся в стихах Петра Комарова, когда он повзрослеет и начнет пробовать свои силы в творчестве, они будут долго питать его воображение и позднее, когда он уже твердо встанет на ноги как поэт: в его памяти на всю жизнь отложатся события, которыми жила в те годы деревня. Это нетрудно увидеть, перечитывая его стихотворения о партизанах и комсомольцах, о легендарном Сергее Лазо, о первом тракторе... Лучшие из этих стихотворений стали впоследствии переходить из сборника в сборник. Такие, как «Деревенский спектакль», «Трактор», «Апрель», «Сенокос», «Помнишь, как мы уходили из дома?».

Для того, чтобы стать поэтом, Петру Комарову пришлось многое преодолеть в своей судьбе. Самый первый шаг, который он отважился сделать, был продиктован желанием учиться. Несмотря на уговоры матери (отца уже не было тогда в живых), Петя решил поступить в школу крестьянской молодежи. Это означало — покинуть отчий дом, надо ведь было ехать в Свободный; оставить (и, может быть, навсегда — а вышло именно так) Поповку, с ее обновленным укладом жизни, лесные тропинки, берег Зеи, дорогу в луга... Жаль было расставаться с матерью, с сестрами. Но иначе он поступить не мог.

Татьяна Семеновна, мать поэта, привычная к крестьянскому труду, рассказывала, что в десять лет Петя был уже помощником в семье, возил дрова из лесу, вместе с братом Василием, пока тот еще не отправился в город по вызову укома комсомола, ездил на пашню или помогал сестрам грести сено. После смерти отца жить стало труднее и работы всем прибавилось. Но в свободное время Петя убегал на берег Зеи с удочкой. Рыбная ловля была одним из самых любимых его занятий. С трудом удавалось отрывать его от реки. Он так и остался заядлым рыболовом на всю жизнь. Я помню, как перед войной Петр Степанович рыбачил в Чембарах на Оре и на реке моего детства — Пёре, удивляя местных жителей своими небывалыми уловами. Он и на Амуре просиживал с удочкой часами. У него был солидный опыт рыболова и множество наблюдений, без которых едва ли можно было написать такую увлекательную книжку для детей, как «Золотая удочка».

В пору отрочества невозможно предугадать, кем ты станешь. Комаров тоже не знал, кем он будет после того, как окончит школу крестьянской молодежи. Но мечта стать поэтом жила в нем с юных лет. Ради нее он от многого отказался и, может быть, с ней, хотя и неясной еще, уезжал из деревни.

В те годы и позднее, вплоть до окончания войны, по Зеи ходил старенький ко-

лесный пароход «Брянта». Вот на этом пароходе Комаров и отправился тогда в Свободный — с котомкой за плечами, в кумачовой рубашке, сшитой матерью, и в неказистых обутках из сыромятной кожи.

Много будет у него дорог потом, но эта, как исток в горах, дающий начало большому течению, впервые обозначила его характер. В школе он считался прилежным учеником. Преподававший агрономическую науку К. Т. Костенко, наверное, хорошо запомнил его старания на уроках, если потом, спустя двадцать с лишним лет, говорил мне об этом. Но — с улыбкой: «Я думал, вот будет специалист по сельскому хозяйству, серьезный работник. А он, оказывается, стишки пишет...» Да, начиная с 1926 года Петр Комаров время от времени появляется со своими стихотворениями в газетах «Молодая гвардия» и «Набат молодежи». Из школы крестьянской молодежи Свободненский райком комсомола направил его в Благовещенский сельскохозяйственный техникум. Он и там хорошо учился. Но агрономом не стал... Хотя мог бы стать им. Впоследствии он с благодарностью вспоминал своих учителей, в особенности тех, кто преподавал растениеводство, ботанику, говорил, что все это принесло ему большую пользу. Недаром в его стихах цветы и травы названы поименно. Мало того, что он видел их в натуре, но еще и записывал и запоминал, по преимуществу, народные названия, оставляя латынь для других.

Интересно, что природа, которая с детства окружала Петра Комарова, была как бы частью его самого. Впоследствии, когда он стал поэтом, воображение не раз уносило его к берегам Зеи, к широким равнинам, усеянным цветами сараны, в луга, где «мышинный горох обнялся с травой золотарником», он вспоминал родные холмы, «что пахнут лесным чесноком, сосновой смолой и пионами», светлые песчаные откосы у реки, где бегал когда-то «босым, простоволосым в годы пионерские свои»...

Ничего удивительного нет в том, что Петр Комаров не стал специалистом сельского хозяйства. Другое дело увлекло его — журналистика, литература, поэзия. В 1929 году он приехал в Хабаровск по вызову крайкома комсомола для работы в редакции молодежной газеты. После краткого знакомства с газетчиками ему предложили быть корреспондентом отдела сельской жизни. На страницах «Набата молодежи» публикуются его стихи, очерки. Началась новая полоса в его жизни...

Было бы преувеличением сказать, что поэт Комаров сразу же завоевал признание читателей. Он не торопился печатать свои стихи, они давались ему с трудом. Литературная жизнь захватила его своей новизной. В то время в Хабаровске работали и пользовались уже известностью такие поэты, как Константин Седых, Иннокентий Луговской, Анатолий Гай, а позднее — Семен Бытовой, Михаил Лесневский, Григорий Кравченко... Так же, как у Петра Комарова, у них не было специального литературного образования, но каждый из них, обладая определенным запасом жизненных впечатлений, старался найти свою тему, чтобы наиболее полно выразить себя. У них были свои учителя в поэзии — от Пушкина и Некрасова до Есенина, Маяковского, Твардовского... Вот где началась для Комарова настоящая учеба! И творческое соревнование. И поиски своего пути.

Он близко сошелся с Константином Седых — забайкальцем, будущим автором известного романа «Даурия». Подружился с Семеном Бытовым и Гришей Кравченко, проникаясь интересом к творчеству каждого из них. Но среди поэтов Петр Комаров всегда выделял приморца Вячеслава Афанасьева с его необычным лиризмом и скульптурностью образов. Помню, однажды (это было летом 1937 года) в редакцию журнала «На рубеже», куда очень часто наведывались поэты, быстро вошел Комаров, только что прочитавший стихотворение Вячеслава Афанасьева «Гольдячка». Он держал в руках книгу, раскрыл ее и воскликнул: «Вот как надо писать! Вы только послушайте, товарищи: «И пала гордая орлица на камни с гулкой высоты!» Ни одного слова лишнего. И каков эпитет «гулкая»! А? Высота — и вдруг: гулкая. Это же зрительно и на слух здорово!»

С Григорием Кравченко его надолго соединила крепкая, братская дружба. Они не только читали стихи друг другу, но и делились хлебом и солью, и работали в одной редакции. Потом, когда Григорий Кравченко ушел на войну и погиб, Петр Степанович горевал, не мог примириться с тяжелой утратой. Он ведь долго считал, что Кравченко как поэт сильнее его и талантливее, хотя перед войной стихи Комарова уже обратили на себя внимание многих, очень многих читателей.

В 1940 году вышел первый его сборник «У берегов Амура», получивший высокую оценку в печати. Первая книжка поэта! Бывает так, что за ней идут другие, гораздо слабее, особенно если автор успокоится или начнет «пожинать лавры». У Петра Комарова творчество развивалось по восходящей, он брал все время новые высоты, считая, что способен сделать больше и лучше. Именно в ту пору, несмотря на похвалы друзей, прочитавших его «Снегопад», он с каким-то не свойственным ему озорством высказал сокровенное: «Я чувствую, что во мне сидит поэт, а не могу его поймать в себе никак, но я обязательно его поймаю!»

С годами поэтическое мастерство Петра Комарова крепло, он много работал над техникой стиха, не переставал учиться у мастеров, находил новые темы и осваивал их. Давно уже замечено, что стихи Комарова музыкальны. Это так, в них каждое слово выверено на звук. Он любил их читать друзьям, товарищам. Написанные в строгой классической манере, ясно и просто, они проникают в душу, их хочется выучить наизусть и повторять. Особенно пейзажные стихотворения. Стоит лишь вслушаться, как звучит «Зима в Эвенкии», с ее необычной образностью и ритмикой. Вот начало, оно прямо-таки завораживает:

Лейзаж сибирский за окном
Светлей и проще.
Серебротканым волокном
Покрыты рощи.
Во вспышках инея тайга,
В огнях морозных.
Горят леса, горят снега
И синий воздух.

А написанное позднее стихотворение «Над Шантарскими островами» и есть сама музыка:

Под крылом самолета — тайга и тайга,
Золотая земля в непромытых бутарах.
Голубые песцы. Голубые снега.
Голубая зима на Шантарах...

Удивительные вещи бывают! Никто из нас никогда не слышал, чтобы Комаров пел, я не могу даже представить себе Комарова поющим. Но стихи его отличаются необыкновенной четкостью ритма, они настолько напевны, что многие из них не случайно положены на музыку. Очевидно, чувство ритма таилось в нем и проявлялось только в стихах — так же, как чувство любви к природе, которое он обычно не высказывал вслух, словно боясь, что, высказанное не стихами, оно расплещется зря и утратит всякий интерес и для него, и для его читателей.

Любил он слушать бывалых людей, постоянно искал общения с ними, дружил с охотниками и рыболовами, с художниками и журналистами. У него были в друзьях геологи, лентотиписты из типографии, военные, партийные работники, сталевары, колхозники... Это шло от его огромного интереса к жизни, а значит и — от таланта.

Поэтической форме Комаров придавал большое значение, но она не была для него самоцелью. Прежде всего он заботился о содержании, воплощая его в образах. Всмотримся, как оригинально выстроено по синтаксису одно из замечательных его стихотворений: четыре строфы, каждая начинается с малоупотребительного, условного союза «когда бы». В сущности, это одно сложноподчиненное предложение — но как мастерски оно развернуто!

Когда бы я не был знаком
С твоими холмами зелеными,
Что пахнут лесным чесноком,
Сосновой смолой и пионами,
Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам,
К лугам, где мышиный горох
Обнялся с травой золотарником,
Когда бы в полях не бывал,
Где зреют колхозные озими,
Где с осени каждый увал
Под пашню возделан колхозами,
Когда бы ручьи позабыл,
Где каждая струйка — хрустальная,
Наверно бы, так не любил
Тебя, сторона моя дальняя...

Сокровенное чувство выражено автором так образно и с такой нарастающей силой воздействия, что об ухищрениях формы не думаешь. Мы просто этого не заметили — настолько все гармонично.

Перелистывая снова и снова сборники стихотворений Петра Комарова, отмечаешь для себя: ведь все они посвящены Дальнему Востоку, его героической истории, людям, преобразующим наш край, его богатейшей природе. Почти всю жизнь он прожил в этом крае, Приамурье стало для него олицетворением Родины. Родная сторона прошла через все его творчество. Да, он имел основание сказать:

Я не один из верных сыновей
Свою судьбу соединил с твоей
И жизнь свою
С твоей поставил рядом...

К теме близкой и милой его сердцу родной стороны Комаров возвращался снова и снова. Особенно удачно она воплотилась в стихотворении «Приамурье», которое стало хрестоматийным, многие знают его наизусть. Достаточно напомнить лишь первые строки: «Край далекий! С лесами да сопками, С поздней жалобой птиц. Это ты Разбудил голосами высокими Сыновей золотые мечты...» Написано это было уже во время войны.

Сороковые годы ознаменовались для Комарова расцветом его таланта. Война была тяжелым испытанием для всех нас. В те годы имя Петра Комарова все чаще появлялось на страницах газет. Вместе с Николаем Рогалем и Дмитрием Нагишкиным он был активным участником выпуска окон сатиры «Удар по врагу». Не перечить всех стихотворных подписей, которые он сделал к карикатурам Вадима Павчинского, Иннокентия Горбунова. Жили все в одном доме по улице Шевченко. Это был дом «Тихоокеанской звезды», где по-соседски знали друг друга типограф-

ские рабочие, газетчики и писатели. Стояло Комарову спуститься по лестнице с четвертого этажа на третий — и он у Павчинского. Сидят, обсуждают очередной выпуск «окна». Работали ночами. Комаров сотрудничал в краевом отделении ТАСС, но, кажется, не было такого дня, когда он не пришел бы к нам в редакцию. Войдет — и на какие-то минуты в секретариате возникает оживление, а потом — зазвучит его взволнованный голос, и уже все мы, оторвавшись от бумаг, слушаем новые стихи. Наутро эти стихи уже в газете. Будь то подпись под плакатом, отклик на события дня или стихотворение, прославляющее трудовые подвиги наших земляков, — участие в газете Петр Степанович воспринимал как само собой разумеющееся дело.

В те годы периодически обострялась его тяжелая болезнь. Врачи категорически запрещали ему ездить в командировки (у него был туберкулез легких). С затаенной грустью и не без зависти смотрел он на нас — газетчиков, когда мы отправлялись в очередные поездки по заданию редакции. Вспоминается зима сорок второго года... Трудное время, полное тревог и напряженной работы — все для фронта, все для победы. В Комсомольске развернулась ударная стройка. По приказу Государственного комитета обороны строителям надо было ввести в строй действующих новое предприятие и как можно скорее выдать первую амурскую сталь.

Где какая стройка обходилась без газетчиков? Краевой комитет партии решил послать туда выездную редакцию «Тихоокеанской звезды». И вот нас целая бригада: Андрей Пришвин, Никита Галуниин, Анатолий Гай, Вадим Павчинский... Зима была суровая, морозы доходили до 45 градусов. Но это не имело для нас никакого значения. Строители торопились выполнить задание в срок, день и ночь кипела работа. По суткам и по неделям люди не уходили домой, работали под открытым небом, грелись в бытовках и у костров, а потом снова шли под своды холодного цеха. Это был в полном смысле героический труд. Столько вокруг замечательных людей, достойных доброго слова в газете!..

Неожиданно приехал Комаров. Мы удивились: он же недавно был тяжело болен. Нам, «тихоокеанцам», пришлось на редакционной машине везти к нему врача-фтизиатра Михаила Петровича Митрофанова. В городе его многие знали, это был доктор чеховского склада, страдал таким же недугом, как его пациент, которого знал уже давно и любил. Очень хорошо помню, что Митрофанов — с тихой улыбкой, но тем не менее строго — запретил Комарову всякие поездки... И вдруг — он в Комсомольске! Начались расспросы... Петр отвечал уклончиво, хмурился: «Ну, что вы, ребята? Какие могут быть разговоры!»

Он пробыл с нами до окончания строительства. Вспоминая о том далеком времени, я думала не раз, что по-другому Комаров поступить не мог. Он всегда считал своей святой обязанностью быть там, где людям особенно трудно, а на «Амурстали» тогда обстановка чем-то напоминала участок боя.

Среди огней терялась игла.
Весь цех гудел, не остывая,
Как будто рядом пролегла
В тайге дорога фронтовая...

Объективно говоря, поездка Петра Комарова на строительство «Амурстали» была необходима. И, наверное, лучше всех понимал это он сам. Понимал — и оттого не щадил себя. Ведь иначе не появилось бы стихотворение «Амурсталь», поэтический документ эпохи.

Ты выйдешь на сопку и медленным взглядом
Окинешь знакомую даль.
И цехи завода поднимутся рядом —
Вот это и есть Амурсталь!
...Ты многое вспомнишь: декабрьские бури
И снежный, морозный февраль,
И линию фронта в снегах на Амуре.
Вот это и есть Амурсталь!

Казалось бы, после той напряженной зимы, какую Петру Степановичу довелось пережить в Комсомольске-на-Амуре, он мог больше не думать о трудных и опасных для него поездках. Однако весной 1944 года он снова оказался в составе нашей бригады, но уже на другой важнейшей стройке, где мы выпускали многотиражку. Не хотел поэт, чтобы какое-то важное событие в крае совершалось без его участия. Об этой стройке он — поэт! — написал отличный очерк «Высокое давление» для центральной армейской газеты «Красная звезда», в котором так живо соединились художественное изображение и публицистика.

Не усидел он за редакционным столом и в августе сорок пятого года, когда развернулись военные события в Маньчжурии. Вместе с Н. П. Задорновым они добились разрешения отправиться с воинской частью в действующую армию. Результатом этой поездки стал цикл стихотворений, посвященных освободительному походу нашей армии.

В последние годы жизни Комаров работал много и особенно плодотворно. Не просто это давалось ему, но поэзии, родному краю он отдавал свое сердце борца, коммуниста, чуткого и взыскательного художника. Дальний Восток стал его судьбой и песней его. Как живо все в нем интересовало поэта! За «Маньчжурской тетрадью»

Комаров от военной темы снова перешел к тому, что его всегда волновало, когда он думал о родной стороне: труды и подвиги земляков во славу Родины. Так возникли еще два цикла стихотворений: «Новый перегон» и «Зеленый пояс».

Однажды, это было вскоре после войны, Константин Седых — товарищ Комарова по «Набату молодежи», более всего известный читателям как поэт, прислал ему сборник своих стихов «Первая любовь» с такой надписью на титульном листе: «Петру Комарову, поэту всея Сибири, с уважением...» И — стихи в полусутольном тоне, в котором обыгрывается название комаровского сборника «Хинганский родник»:

Есть, говорят, в горах Хингана
Святой поэзии родник.
Амурским стужам и буранам
Он покоряться не привык.
...Прошу: пошли чудесной влаги
В обмен за «Первую любовь»
Седому, хилому бродяге,
Певцу даурских казаков...

К. Седых. 13 марта 1946 г., Иркутск.

Итак, «поэту всея Сибири»... Да, с этим можно согласиться. И все-таки творчество Петра Комарова выходит за пределы края, области, региона. Это явление русское, национальное, ставшее достоянием всей советской поэзии. А сам поэт, с его необычной судьбой? Разве вся его жизнь не была примером горячего и страстного служения Родине, народу? Не случайно ведь в первый год войны с немецко-фашистскими захватчиками Петр Комаров написал свой «Кедр» — символическое произведение, построенное на противопоставлении двух различных отношений к жизни. Борьба, готовность противостоять бурям, умение пожертвовать собой ради общего дела — вот что выделил он в итоге как высший идеал.

Если мне придется умереть,
Кедром упаду я поутру.
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру...

Да ведь так оно и случилось. Мысль о беззаветном служении Родине, когда ты знаешь, что труд твой необходим, а цель, поставленная тобой, благородна и высока, много раз в стихах Петра Комарова находила свое образное воплощение. Но, пожалуй, особой глубины она достигает в его программном стихотворении «Золотая просека». Всякий раз, перечитывая его, ловишь себя на том, что все в нем будто внове для тебя, хотя каждая строчка известна давным-давно. И еще думаешь о том, что здесь выражен сильный, героический характер: «А жизнь велит: иди! Иди и не сворачивай с дороги, И что бы ни случилось впереди, Увидишь солнце на своем пороге...» Это ведь сам Комаров с его биографией, начиная от того первого шага, который он сделал юношей, уходя из зазейской деревни в сшитой матерью кумачовой рубашке...

Поэзия Петра Комарова — это лирика высокого гражданского чувства. В ней — философия нашей жизни, подлинная красота и сила человеческого духа.

Николай ЗАДОРНОВ

ЭТО БЫЛО В МАНЬЧЖУРИИ

Утром раздался громкий металлический удар, и мы с Петром, спавшие на письменных столах, накрытых шелковыми японскими знаменами в несколько слоев, одновременно проснулись. Но едва вскочили, как снова услышали мерный, гулкий удар.

— Что такое? — спросил Комаров. Он поэт, все остро чувствует, а я очеркист и должен быть достоверным в наблюдениях. Меня вдруг осенило:

— Да это же соборный колокол... — и отлегло на душе.

— Колокол? — спросил Комаров, быстро подходя к большому окну.

Собор, кажется, был напротив. Мы ночевали на втором этаже в пустом здании бывшего штаба японской армии, в опустевшем гнезде наших противников, мечтавших завоевать Сибирь и наш Дальний Восток, в самом центре бывшей антисоветской агрессии, в большой комнате, заставленной столами. Тут же японские пишущие машинки странного вида, с ящичками иероглифов и с вальками.

Спустя почти тридцать лет я был в Японии и узнал других японцев, и старого и нового поколения. Потом за десять лет написал три исторических романа об их предках. Книги были переведены и изданы в Японии, в них рассказывается о дружбе